

Небо над Патриаршими

Лариса Бутырина

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лариса Бутырина

Небо над Патриаршими

«Автор»

2024

Бутырина Л.

Небо над Патриаршими / Л. Бутырина — «Автор», 2024

Век машин заменил цель скоростью. Суeta и спешка стала перманентным состоянием ума. Рынок диктует свои ценности. Деньги, - в тех суммах, что забирают в плен и заставляют слепнуть. Слава, - любыми способами, что сводится в итоге к раздражению и унижению. Власть, - та, что ради самой власти, и для стремления, в конечном счете, просто ее удержать. Единственный вариант не сойти с ума в таких оковах - поднять голову и направиться в небо. То, что снаружи. И то, что внутри. Только тогда все эти компоненты жизни становятся рабочими инструментами на старте. И в полете. В большом и продолжительном полете - к себе. И к подлинной роскоши - оставаться Человеком. Всегда, во всем и везде.

© Бутырина Л., 2024

© Автор, 2024

Содержание

///	6
///	13
///	15
///	17
///	18
///	21
///	26
///	33
///	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лариса Бутырина

Небо над Патриаршими

Этот рассказ, как и любой предыдущий – не исповедь, и уж тем более не руководство к действию. Все трюки, описанные в книге, выполнены профессионалами. Не пытайтесь повторить самостоятельно.

Моим первым шагам в небо посвящается.

Спасибо всем, кто причастен к моему знакомству с авиацией.

S7 Aero, особая благодарность за вдохновение.

///

Шел третий час моего ожидания у кабинета. От скуки и переутомления я пролистывала журнал с мужским характером, неведь откуда взявшийся в стенах медучреждения. Без интереса, без энтузиазма, – просто нужно было чем-то занять руки. И время. На коленях томилась толстая папка с анализами, выписками и заключениями, в желудке – колкая пустота, а на плече беспечно дремало время под покровом этой повсеместной духоты и монохромности пространства. Мое время...

– Дети есть? – спросила терапевт, пока я, стягивая ботинки.
– Я сама еще ребенок, – ответила я, вставая на весы.
Она окинула меня косым взглядом и крякнула, сдавливая смехок.

– Не родишь потом, – вынесла она вердикт.
– Уверена, демография страны примет сей факт с достоинством и обойдется без моего участия, – пожала плечами я, пока она снимала показатели веса и фиксировала их на бланке. – А этому телу такие нагрузки точно противопоказаны. И без того перегрузят...

Она снова воткнула в меня едкий взгляд, но уже без озвучки, затем своевольно развернула и примерила к настенной линейке. Цифры роста кривыми загогулинами следом легли на листок. Сантиметровая лента зафиналила свод данных по телу известными обхватами.

– Одевайтесь и подождите в коридоре, – скомандовала мед уполномоченная и отложила мою карту на край стола. – У третьего кабинета. Вас пригласят.

Кабинет номер три находился в конце коридора.

“Председатель летной комиссии Холодова Вероника Степановна” гласила табличка на закрытой двери. Из антуража вокруг: все те же серые стены, кулер и кем-то забытый журнал на диванчике ожидания.

“Президент строительной компании по собственному желанию оставил свой пост”, – гласил заголовок глянцевого обложки.

“Чем только не тешатся президенты”, – усмехнулась я и открыла журнал на указанной странице...

Госпожа Холодова явно заставляла себя ждать.

– Есть вопросы, Вероника Степановна, – тыкала терапевт шариковой ручкой на строку в раскрытой карте, когда я, наконец, проникла в хоромы председательницы.

Вероника Степановна деловито поправила очки и чуть отстранила нависающую над ней даму в халате.

Я сидела на стуле напротив и наблюдала за сценой с партера.

– А по крови что? – уточнила председатель, поднимая на меня пронзительный взгляд.
– По крови – норма, – ответила врач.
– А диаграмма?
– И диаграмма
– Зрение?
– И зрение.

Вероника Степановна еще с минуту поизучала меня, придерживая оправу очков, как микроба под микроскопом, затем взяла папку с моим фото и бегло пролистала страницы, как совсем недавно я просматривала журнал.

– Она же не линейная, Вера Пална, – снова отмахнулась председатель и с грохотом опустила печать на папку. Так в уголке моей фотографии поселилась синяя прямоугольная печать «Годен»

Я быстро шла по улице, почти бежала, крепко прижимая папку с печатью к груди, на манер букваря. Мне очень хотелось есть. И выпасться. И еще чего-то... То ли влюбиться, то улететь на воздушном шаре, то ли... какая разница, собственно, когда в потемках пути вновь появляется маяк направления, а внутри по телу будто откликом растекается сладостное чувство стремления. И было совершенно без разницы, что на улице корчился февраль, с неба сыпал мокрый снег, который день не переставая, а под ногами грязное месиво уже стало привычным не зависимо от района и старания жилищников.

Я шла. Шла без разбора маршрута и направления. Просто шла, – то останавливалась, подстраиваясь под трафик людского потока, то снова набирала темп. Я находилась в каком-то полусне, очнуться от которого у меня уже не было сил, и продолжала идти. Перенапряженный истощенный мозг в целях самосохранения может отключаться, вводя тело в пассивное полубытьё, но поддерживая при этом монотонную мышечную моторику. И мое состояние было тому явным подтверждением. Сколько так еще я прошла, не силюсь ответить. Скажу лишь, что восприятие вернулось, когда я стояла посреди улицы, подставляя лицо падающим с неба осадкам, и улыбалась. Хилые снежинки таяли, едва достигнув тепла тела, и мокрыми пятнами оседали на тонкой обветренной коже. Еще минута и чье-то массивное плечо бесцеремонным вторжением вернуло меня к реальности. Сквозь тяжесть восприятия я повернула голову и, будто прошивая плотную пелену, взгляд сфокусировался на выложенных светодиодной лентой буквах «to go» в окне витрины. Желудок тут же спазмом отозвался на сладкий кофейный аромат появившийся следом. Я попыталась вспомнить, когда ела в последний раз. Мозг отказал в ответе.

Страхнув остатки отупения, я зашла в кофейню и заняла крайний столик в углу. Официантка не заставила себя долго ждать и быстро возвратилась с картонным стаканчиком и ламинированной страницей незамысловатого меню. Я открыла клапан пластиковой крышки и сделала глоток. Ароматная жидкость обожгла губы и приятно прокатилась по пищеводу. Так, наверное, и ощущается “жизни в каждом глотке”, особенно, когда этот глоток первый. Все последующие пошли привычнее и приятнее. Я постепенно наполнялась теплом. Только сейчас я поняла, насколько замерзла, а ботинки промокли насквозь. И, похоже, натерли. От одной мысли, что сегодня придется еще куда идти, тело непроизвольно вздрогнуло.

На столе ему в такт завибрировал телефон.

– Да, – ответила я на вызов.

– Да, неужели! – выдала трубка. – Где тебя носит? До тебя не дозвониться весь день!

– Я в медицинском центре была. У меня летная мед комиссия.

– И что?

– Прошла. Годна. Со следующей недели приступаю к обучению

– Бред! – нервно полоснул искаженный голос в трубке. – Куда тебя все несет?! Ты уже достигла свой максимум. Сиди – не рыпайся. Летать она захотела...

– Бред – это то, что ты сейчас несешь, – собрав остатки сил, оборвала я. – Если более по делу добавить нечего, я отключаюсь.

Трубка еще что-то буркнула, но я уже скинула вызов. Спустя минуту телефон снова зажуужал. То же имя, то же фото. Я скинула. И снова вызов. Сколько их было еще, я не считала. Просто отключила звук, запрокинула голову затылком на стену и направила взгляд в окно. Сквозь запотевшее стекло не было видно ничего кроме снега и расплывчатых огней встречных автомобилей. На фоне размытого городского пейзажа едва различимым контуром я уловила свое отражение. Узкое лицо, выраженные скулы, большие глаза, впалые от усталости, ровная чувственная линия губ, чуть вздернутый носик, – базовый набор барышни за тридцать, ничего примечательного. Даже третье ухо на лбу не выросло. Еще россыпь мелких морщинок, разумеется, тонкой сеточкой нарастающая по чувствительной коже, но сегодня ее, как истинный джентльмен, вежливо сгладил город размытым светом с окна. Я улыбнулась ему, принимая почтение, и заметила, что край блузки замялся и вылез из пояса брюк, обнажая часть тела.

“Так и в жизни”, – подумала я, усмехаясь своему отражению. “С виду все так слаженно, красиво, гармонично, но обязательно что-то, – да торчит... в самом неподходящем месте”.

Он торчал мне, как кость в горле. Как заноза в известном месте. Как нож под ребром... какие еще там есть сравнения? В целом, вы поняли, – как ни сравнивай, суть одна: то, что мешает, рано или поздно за что-то зацепится. И ладно бы отвалилось там же и сразу, так нет, – вырвет с мясом кусок того места, откуда торчит и потащится следом за тобою по жизни кровоточащим балластом.

«Жизнь слишком сложная, чтобы проживать ее в одиночку», – успокаивала я себя, когда тяжесть нарыва достигала своего апогея и снова приклеивала пластырь там, где следовало бы обратиться к хирургу.

«В одиночку...», – усмехнулась я отражению.

С самого детства мне всегда казалось, что я живу в одиночку. Одна. Хотя у меня был старший брат и жалкое подобие семьи. Жалкое, потому что искаженное неполноценностью. Мать дважды пыталась выстроить отношения с мужчинами после моего отца. Его я, к слову, не помню. Только фамилия и осталась. Возможно, и к лучшему, так как двое других представителей мужского пола растворились на моих глазах сначала в алкогольном забытии, а после – и вовсе. Такова была сила любви моей матери. Всеобъемлющая, истощающая и угнетающая. Я позднее нашла в себе силы простить ей эту убогость именуемую в ее восприятие «любовь», но это случилось гораздо позднее. Изначально это воспринималось как первоистина, – единственно верное и искреннее чувство, в котором холодное, сквозящее по полу ощущение одиночества – абсолютная норма. Временами мне казалось, что я не родная – приемная. Сейчас я понимаю, насколько это была глупость, ведь моя мать была не того кроя души, чтоб взять на воспитание сироту или еще чего – чужого ребенка. Так или иначе мне невероятно сложно было принять родственное единство с теми людьми, под единой крышей с которыми приходилось расти. По этой же причине я хваталась за любую возможность покинуть это пространство. Ведь оно никогда не было для меня домом. Просто крыша и стены, где можно переждать ночь. Еще ванная, чтобы омыть тело и склад насущных вещей. Дом – это то место, где отдыхаешь душой. Где тебе рады и легко можно говорить обо всем, что на сердце. Он не обязательно большой и обустроенный по актуальному тренду. Возможно, это просто квартира, возможно даже в доме стоящим в очереди на реновацию по причине аварийного состояния. Это не так уж и важно. Важно, что вечером там очень тепло и уютно. А по утрам пахнет свежесваренным кофе с особенным ингредиентом, придающем даже самому скудному сорту невероятно бодрящий вкус – щепотка души, называется. Собственно, он же – секрет тепла и уюта в жилом пространстве, а

не размеры жилья, его интерьер или район. В таком месте я должна была оказаться с самого начала. Такое я искала и пыталась создать всю свою жизнь. И всегда представляла его, когда меня оставляли в квартире одну. Такое часто бывало. Тогда я научилась быть интересной самой себе, тогда же – подружилась с одиночеством. И страхом.

А еще тогда у меня был кот. Рыжий толстый и очень умный для животного. Это понимание тоже пришло гораздо позднее. Его я по-настоящему любила. Было ощущение, что он действительно все понимал, как бы прозаично это ни звучало. Когда я оставалась одна и мне становилось страшно или одиноко, я зарывалась в его шерсть, обнимала крепко, а он клал мне лапы, на плечи и тоже обнимал, как-то по-человечески что ли, и успокаивал. Терся об меня головой и урчал. В такие моменты я часто плакала. И говорила с ним. Обо всем на свете.

Он умер от старости. Вместе с ним ушла и моя единственная связь с «домом».

Живность я более, к слову, не заводила.

Никаких.

Даже цветок в горшке.

Я как-то слишком рано поняла, что мне не нужен в жизни кто-то, кого я буду обслуживать, тем самым обретая свою нужность и хоть какой-то смысл. Но я великодушно учтиво позволяла это делать другим. Тем, кому была необходима такая возможность – находить для себя смысл в заботе обо мне. Тем более, что сама относилась всегда к таким людям, которые скорее сдохнут от голода, чем что-то для себя приготовят или сходят в магазин. Я принимала проявления бытовой заботы с благодарностью, но всегда расставалась с ними так же легко, как их проявители теряли в нем свой смысл. В том смысле, что по жизни мне были подобные проявления приятны, но не первостепенны. По жизни мне нужен был... спутник. Да, спутник. Наверно, это слово более всего подходит под определение. Хотя оно мне не особо нравится. Если вникнуть в суть слова, спутник – это самостоятельный одинокий субъект, разрезающий абсолютную тьму и пустоту, – крутится один одинешенек вокруг, да около и никак не может приблизиться. Но кто у нас в принципе во что-то вникает... и уж, тем более, – в суть.

А суть моя была такова, что быть любовницей и, тем паче, содержанкой – мне никогда не было интересно. Любимицей – да. Любимкой, на крайний случай, – для тех, кто совсем не в силах удержаться от уменьшительно-ласкательных.

Но растрачивать себя на соц пакет... простите, но совсем уж сомнительная ценность.

– Если мы с тобой не равны, какое место занимаешь в социуме ты? – бросала «кость» в очередной попытке указать мне свое место и зашлифовать это дело забористым скандалом.

– Не имею ни привычки, ни полномочий навешивать ярлыки, но одно могу сказать точно – места у нас разные, – я всячески старалась не подпитывать конфликт.

– Рад, что ты хоть это понимаешь, – усмехался он с надменностью и неспешно проводил мизинцем над бровью, как жест полного подавления всего происходящего и приумножения покоя. Своего. Того самого, что веет земельной сыростью.

Я чаще молчала в ответ. Тяжело выдыхала, отходила куда-либо в сторону, максимально возможно увеличивая дистанцию, и молчала.

«Откуда и для чего порождаются подобные люди», – вертелось в голове нечто подобное. «Откуда и для чего они появляются в моей жизни?»

Но наружу прорывалось только молчание.

Какой смысл стараться что-либо подробно и детально объяснить, когда на тебя смотрит пустой надменный взгляд. Такая тупость и пустота угнетает. Ее очень хочется наполнить звуками. Любymi. И как правило ее заполняют лишь те, которые порождают еще большую тупость. Потому я выбирала молчание. Как особый вид извращенной мести... для него. И уголок упоения – для себя.

Мало, кто способен вынести вой сирен. Еще меньше тех, кто может выдержать их молчание.

И я выбирала молчание.

Все чаще и чаще я выбирала молчание. Я выбирала запрягаться где-то в углу, жалеть себя и лелеять свои воспоминания. Не хвататься более за настоящее, ведь оно уже через секунду становится прошлым. Я выбрала остаться оболочкой. Отжившей оболочкой, без желания, без ожидания, без содержания. Его в себе. Сама по себе с этой жизнью. От меня прежней осталась лишь кожа. Бледная, чувствительная, склонная к сухости и увяданию. Тонкая. Настолько, что сквозь нее с легкостью проникала всепоглощающая пустота. И расползалась по углам. И плела там свои паутинки, подсвечивая изнутри мелкой сеточкой купероза.

В такие моменты крайне необходим спутник, – он умеет разрезать собой пустоту.

Но его не было.

А у меня не было больше сил вытягивать из общей кучи потерей то одну, то другую.

Сколько же их было...

Сколько же их еще...

Я бросила взгляд на мобильник. Экраном вниз он лежал на столе. Вид у него был, что он сейчас зазвонит, завибрирует. Но он молчал. А я безвольно блуждала глазами по его очертаниям. Будто вновь прорисовывала. Штрих за штрихом. Слой за слоем. Блик за бликом. Так обводят контура своих воспоминаний, когда хотят под ними укрыться. Придать им значимости. Зацепиться за них.

И с минуту они еще были четкими хорошо различимыми, затем начали расползаться, заполняя пространство, и медленно вытекли крупными слез по щеке.

Я попросила счет, сунула телефон в карман и покинула кофейню, как покидают территорию чьей-то личной жизни. Без шанса на возвращение.

Звонок раздался на утро. Он застал меня в постели и был очень важным.

– Ирина Дмитриевна, здравствуйте, – прозвучал бодрый женский голос в трубке. – Как ваши успехи с мед комиссией? Напоминаем, что для начала обучения нужно предоставить ВЛЭК в администрацию летной школы.

Я улыбнулась, потирая глаза ладонью. А, да, разумеется, – заговорила я, с усилием восстанавливая события минувшего дня, – вчера была пройдена. Сегодня смогу привезти оригинал в АУЦ¹.

– Замечательно. Будем ждать вас. Офис работает до 18.00

¹ Авиационный учебный центр (сокр. – АУЦ) – организация, осуществляющая обучение пилотов, а также прочего авиационного персонала.

- Благодарю, до встречи.
- До встречи.

Я отбросила телефон, потянулась и не спеша вылезла из постели.

Говорят, нужно иметь цель, чтобы подниматься с кровати по утрам, а что делать, если не вставать – и есть цель? Ничего. Ничего ты с абсурдом не поделаешь. Да, и не надо, наверное. В этом абсолютно неидеальном мире должно оставаться место чему-то абсурдному. Пропади оно – и вся ирония происходящего пропадет вместе с ним. А без иронии нынче совсем никак. Без иронии не выжить. В этом городе, что пахнет канцерогенами фаст фуда, снятым асфальтом и повсеместной фальшью. Городе, в котором воспитанная книжками, без гроша в кармане, толком не знающая правил игры и, не умея держать равновесие, я, наверняка, захлебнулась бы тем, что называют реальностью. И пропала бы без вести в этой гряде бетона с весьма извращенным чувством юмора. Но он оказался ко мне благосклонен. Как ни странно. Радужно окутал своей скользкой прохладой и привил незаменимые качества для выживания: землистый цвет лица, хроническую усталость и самоиронию.

Кутаясь в халат, я подошла к окну. Вчерашний снег крупными каплями размывал перспективу грядущего.

“Чем интеллектуальнее человек, тем чернее его юмор”, – думала я, прислонившись лбом к стеклу. “Проверено”.

Видимо, этим я его и расположила...

\\

Он стоял, оперевшись вытянутыми руками в стену. Вода струями стекала с потолка по его безвольно опущенной вниз голове, увлекая за собой мокрые пряди волос. Глаза его были закрыты. Я не видела лица из-за его округлого бицепса, но знала, – они закрыты. Плечи тяжело поднимались вверх. Медленно и тяжело. Будто пытаюсь удержать на себе что-то. Неимоверную ответственность, разом вывалившуюся на эту жилистую трапецию.

Он чуть пошатнулся. Но сохранил равновесие с помощью рук.

«Упора в руки быть не должно» – отчего-то подумалось мне. “Иначе не удержишь. Иначе падение”.

Есть такая степень усталости, когда невольно все скатывается на руки. И они опускаются. У всех. Вне зависимости от физической подготовки.

Я открыла дверь душевой капсулы и осторожно шагнула внутрь. Вода оказалась едва теплая. Мурашки стадом проскакали по спине до затылка. Я мягко обхватила его под плечи, едва коснулась губами кожи между лопаток и прижалась туда лбом. В голову ударил дурманный аромат – запах родного человека. Еще одно чудо природы – что по какой-то причине, по каким-то неписаным законам совершенно посторонние люди становятся близкими. Пусть даже на какой-то непродолжительный срок. Всегда это было непонятно. И удивительно. Я улыбнулась краешками губ, глубоко вдохнула и чуть потянула его на себя.

– Ты свободен и любим, – заговорила я, прижимаясь крепче. – Этого с лихвой хватит, чтоб выдержать любую нагрузку.

Что уж, говорить о нагрузке в размере моего веса. Даже с тяжестью характера вместе взятые...

Эту нагрузку он взял достаточно легко, хотя и не сразу.

– Девушка, извините, время не подскажите? – спросил он, невесть откуда возникший возле меня. Я сидела на веранде кафе и с остервенением гоняла остатки льда на дне стакана.

– Не простое, – я приложила бокал со льдом ко лбу и посмотрела на него. – Ох, не простое...

Он улыбнулся тогда в ответ и посмотрел как-то особенно снисходительно. Я была под этим взглядом будто в клетке, постылой тесной клетке. В обессиленном ожидании, когда меня переведут из нее. Когда проходящий мимо смотритель, остановится, посмотрит с сочувствием и скажет: эту не запирайте более – я забираю ее с собой.

Через минуту он сидел напротив. И о чем-то рассказывал. Я не вникала – о чем. Я слушала его голос. Казалось, такой голос можно издать только без легких, – он больше походил на шорох ветра в листве деревьев. И был как воздух после дождя – чистым прохладным и убедительным.

Не скрывая интереса, я наблюдала за ним. Ему было под пятьдесят или около того. Подтянутая фигура, осанка. То, что чаще всего именуется статью. И улыбка. Широкая. Объемная. Магнетическая.

– “Константин Викторович Поленов”, – прочла я на тисненой визитке, возникшей передо мной вслед за приглашением посетить совместно какое-то мероприятие. “Генеральный директор. Строительная группа компаний “Царь Град”.

– Можно просто по имени, – обратился он. – Так я чувствую себя не настолько старым.

– Мне не удобно принять данное приглашение... Константин Ви... Костя, – осеклась я, чуть было не обратившись по имени отчеству.

Он мягко улыбнулся, демонстрируя тем самым, что ему приходится по вкусу, как я поправляю себя.

– Вы просто моя спутница. Не более. Сразу после мероприятия я отвезу вас домой. Или раньше, – после официальной части, если совсем уж заскучаете. Ничего личного, – поймите правильно.

– И все же, – настаивала я.

– В чем причина? Можно узнать?

– Можно, – кивнула я. – Едва ли найдется в моем гардеробе туалеты под стать вам и статусу предстоящего события.

Он негромко рассмеялся.

– Красивая молодая дама может идти в черном свитере куда угодно, – заговорил он, пробежавшись по мне глазами. – Набери мне завтра, и мы обговорим все сопутствующие детали.

– Пожалуйста, – добавил он и ближе придвинул ко мне визитку.

Я была взволнована. Это было заметно. Но постепенно успокаивалась, слушая его голос и, в который раз отметила, какая от него шла уверенность, сила и власть. О том, что он еще дес-

потичен, неуживчив и непоследователен в действиях, я узнала позднее. К этому же прибавилась его особая удачливость и высокомерие. Он ко всем относился с легкой улыбкой, – некой помеси теплоты и надменности. Небрежно похлопать по плечу, – было особым его жестом демонстрации превосходства, а укротить непокорного – излюбленным развлечением.

– Для предстоящего мероприятия и пестроты и убранства ты слишком лаконично выглядишь, – выдал он, разглядывая меня, когда я вышла к нему по ступеням торгового центра.

На мне было белое платье простого кроя, забранные на затылке волосы, на ногах босоножки, в руках маленькая сумочка и очки. Большие темные очки. Я приспустила их на край переносицы и посмотрела на него с изумлением.

– Точно! – я сделала акцент указательным пальцем, демонстрируя, что что-то забыла. Затем скинула большой бумажный пакет на плитку, вынула оттуда серый пиджак, расшитый пайетками, цепями и вышивкой, и набросила его на плечи.

– Недаром же кардиналы, которые действительно правят бал, провозглашаются серыми, – улыбнулась я, спускаясь к нему.

– Он улыбнулся в ответ, окидывая меня довольным взглядом: – И этот цвет тебе очень к лицу.

“Пока не скользит по нему”, – добавила я мысленно. “И не ложится тенью...”

Но вместо этого лишь прокрутилась вокруг своей оси, взяла его за руку и повлекла за собой в ритмы играющих уличных музыкантов.

– Я не умею танцевать, – ухмылялся он особенно ласково, когда мы достигли центра пешеходного бульвара и остановились, развернувшись друг к другу. – Я предпочитаю смотреть, как это делают другие.

– Хорошо, – шепнула я, приподнимаясь на носочки. – Когда-нибудь я станцую для тебя. А пока нам нужно потренироваться, чтоб не отдавить друг другу ноги где-нибудь на очередном твоём официальном приеме.

Резким жестом я выдернула шпильку, слегка помотала головой, пуская каскад волос по спине, и положила руки ему на плечи. Далее пространство закрутилось в танце. Я смеялась в голос, запрокинув голову назад. Чувствовала его дыхание на тонкой коже шеи и ключиц. Вдыхала аромат его духов, его тела вперемешку с запахом городского зноя на рубеже лета, свежести неминуемой ночи, и слепящих вспышек цифровых билбордов. Как коротких замыканий восприятия, финальной из которых условились мои растрепанные волосы вперемешку с сединой его жесткой щетины.

Какой все же выдался день!

И, казалось, какие могут быть последствия...

“Ты же добрая. Ты всегда даешь людям второй шанс. Так отчего себе – нет?” – думала я накануне, прежде чем отважиться на звонок по номеру на оставленной визитке.

Я лежала поверх одеяла лицом к двери и пялилась на стены, давно требующие ремонта. Жара стояла крепкая и явно не собиралась сбавлять обороты. С самого утра я не могла справиться с ватностью собственного тела и просто лежала, размышляя об организме. О процессе потоотделения. О триллионах клеток в нем, размером меньше толщины человеческого волоса. Об иммунной системе, которая в случае болезни созывает все хорошие защитные клетки на кризисное совещание, где они выбирают лидера-стратега и тот принимает решение, заболеть организму или все-таки побороться.

А побороться бы надо бы.

Нардо бы побороться...

Я отмахнулась от назойливой мухи, так и норовящей пробежаться по укромным закоулкам обнаженного тела, и окинула взглядом комнату. Низкий давящий потолок, потертая мебель, разбросанные на полу вещи...

«И вот так ты готова провести всю свою жизнь?» – раздался в глубине сознания вопрос. «Это то, чего ты всегда хотела?»

Муха вызвала очередную порцию раздражения.
Муха ли?

“Чего ты хотела?”

Последние минут тридцать я явно хотела сладкой газированной воды, которой в доме, разумеется, не было. Пришлось сделать над собой усилие – встать, одеться и выйти на улицу до ближайшего магазина.

К вечеру солнце отступало, давая городу прохладу и передышку.

Я брела по скверу нового микрорайона вдоль стильных рядов новостроек. Коробочки из стекла и бетона с закрытой территорией, внутренними дворами, детскими площадками, вечерней подсветкой. Я шла, засматривалась в окна и воображала: что там? За этими окнами? Наверняка, счастье. А что там еще может быть? Когда свое жилье. Да, в таком-то доме.

“Ты ведь тоже такой хотела?”

“Хотела”, – кивнула я и усмехнулась.

Но прежде хотела в нем тепла. И уюта.

Только выяснилось это гораздо позднее...

Прежде для этого нужно было стать сильной.

Я должна была стать сильной. Я такой и стала. В этом, по факту, нет ничего плохого. Абсолютно. Я стала сильная настолько, что даже не пыталась понять тех, кто был слаб. Привыкла требовать от себя максимум и быть обласканной удачей. Ведь она любит сильных. Она им благотворна. К чему обращать внимание на невезучих?

Мне было это не интересно.

Я привыкла, что нет никаких проблем со здоровьем, пара другая болячек – не в счет. С ними я легко справлялась. И вникать в болячки других не было ни желания, ни времени. Я всегда считала, что людей подкашивает не ситуации, не вдруг навалившиеся сложности, а их собственная лень и бездействия. Что они оттягивали на потом и пускали авось то, что требует решения сейчас. Сиюминутно. Своевременного. А не когда подопрет. И ответственности. За последствия. Как принятого решения, так и не принятого. Мое отношение к жизни было непоколебимо: на судьбу сетуют только неудачники и тюфяки. Им вечно не везет. Оно таким и остается. Но всегда в нем находилось место теплоте и душевности. Даже когда прагматизм и упорство брали тотальный контроль над происходящим. Только они-то и уместны там, где во главе стоит цель – добиться того, чего хочешь. Моя голова была забита одним – стать первоклассным финансистом.

И я им стала.

А потом компания обанкротилась.

Не сама. Ей помогли.

Это было очередное подтверждение, что с государством не стоит играть в азартные игры. Тем более, – не зная правил. Ведь есть частные корпорации с десятком акционеров, а есть многомиллионный народ, составляющий государство. Их интересы редко совпадают, точнее сказать, – не совпадают никогда. Одним нужна власть, величие и прибыль, другим – спокойная жизнь, крыша над головой, стабильная работа, свободное время, чтоб разводить рассаду на подоконнике. Поэтому первым приходится придавать своим действиям форму защиты, а не нападения. Тогда вторые, – те, кто не хотят нападать, вынуждены будут встать на защиту. Себя, своего спокойствия, своей рассады на подоконнике..., и они сделают это с готовностью.

Найти того, кто выступит провокатором, – особого труда не требуется. Достаточно найти слабого и довести его до отчаяния.

Отчаяние нахлынуло ближе к ночи.

Когда я снова вернулась в четыре стены.

Чертовы ночи! Чертовы стены! Чертовы провокаторы!

Как же я ненавижу весь этот бред!

Я прямо-таки чувствую, как эта тупость закупоривают мне сосуды. Проникает сквозь поры и не дает дышать. Где мне взять силы, чтоб оставаться доброй? Когда мне стало на все наплевать? Когда мне надоело все, что происходит? Все, что я вижу?

В организме с хроническим неврозом чуткость восприятия отрубается дабы не перегреть систему. И вернуть ее к жизни можно, разве что, двойным разрядом. Тогда-то и пришло решение набрать номер с визитки по утру...

Утро Константина Викторовича начиналось с чашки горького кофе, перепалки с домработницей и забористой сигареты. Накидывая на ходу бомбер, он утопил кнопку лифта. Двери разъехались. Он уже готов был ворваться, но резко остановился, – внутри с упоением целовалась парочка подростков.

«Старею», – плюнул он мысленно, отступил назад и пошел в итоге пешком.

На улице его поджидал служебный роллс ройс. Они уселся на заднее сидение и профессионально откинулся на спинку.

Здесь и настиг его мой неизвестный еще номер.

Дата приема была озвучена незамедлительно. Место и время выбора подходящего наряда – следом. И я последовала...

///

Огромные светлые комнаты с высокими потолками, антикварная мебель, картины импрессионистов на стенах. Всюду шныряли официанты. Все убранство кричаще демонстрировало уровень жизни с присущей ей роскошью. Меня никогда не смущала подобная пестрота антуража, скорее раздражала роговицу глаз при долгом пребывании в ней, – слишком уж ярко. А однородная масса фраков вперемешку с изысканными платьями, – сплошь черными, – лишь придавала ей большей контрастности. Нанятому «менеджменту» всегда заранее прописывают дресс-код. Как и речь. Как и мнение.... Как у них могут быть «свои», собственно, мнения, если финансируются они получают в одном «окне»? Все это труппа одного театра. Яркая, сильная, языкастая труппа, – бесспорно. И играет правдоподобно, но все же заученный и отрепетированный заранее репертуар.

Я неспешно сканировала глазами зал, не переставая улыбаться вспышкам фотокамер и насмешливым взглядам, обстреливающих меня с первого минуты нашего появления. И силилась понять, какая роль отведена мне в этом спектакле.

Кто я здесь, зачем и что мне делать, – в таких местах не спрашивают. Я и не спрашивала. Марионетки всегда нужны для выполнения грязной работы, чтобы манжеты «миротворца» оставались сухими и чистыми.

“Миротворец” Константин не спрашивал. Всем своим видом он демонстрировал сухость манер и чистоту намерений. В каждом жесте читалось, – он хозяин. Жизни, кампании, каждого момента. И, конечно, всего, к чему прикасался. Он держала меня под руку и увлекал за собой каждым движением. Чрезмерно утрировано, мне казалось порой. Возможно, казалось. Возможно, нервы. Обстановка была новая и, мягко выражаясь, не особо приятная. Однако я не колебалась, – поступала в итоге так, как научила жизнь: задавать меньше вопросом, не высовываться и делать свое маленькое дело. Я встряхнула волосами и поправила перекинутый через руку пиджак. Он не был мне нужен – погода стояла шикарная. Просто рука привыкла, что в ней что-то есть.

– Да, угрозы для тебя здесь немало, – сказала я ему сквозь зубы широко натянутой улыбкой.

– Серьезно? – удивился он.

– Абсолютно, – подтвердила я.

– Не понимаю, – он повернул лицо в мою сторону и чуть наклонил голову.

Я потянулась к нему, придавая взгляду, как можно больше тепла: – Не об этом сейчас. Улыбайся, ты же – на светском мероприятии.

– Я не понимаю, – едва уловимая нотка наигранной растерянности скользнула на дне его глаз.

– Не об этом сейчас, – подыграла я. – Улыбайся. И выпрямись. Осанка, говорят, олицетворение внутренней силы и выносливости.

Он демонстративно выпрямил плечи, приобнял меня за талию и подставил лицо вспышкам очередного папарацци. Я почувствовала, как его рука на моей бедре сжала кусок материи. Ответным жестом я уложила кисть на его плечо и вытянулась на оси, сокращая тем самым и без того малое пространство, между нами.

Все эти светские мероприятия... все эти разыгрываемые мизансцены... Способ потакать значимости каждого наполняющего это пространство. И мы были сейчас не исключение.

– Что ж вы снова-то, Константин Викторович? Не успели оправить репутацию после предыдущей шумихи, так опять! – скользкой насмешкой крикнул немоложавый господин, кивая в мою сторону. – Даже спутницу свою не вооружили по заданной теме. Правилами этики не снабдили.

– Я – и есть оружие, – бесцеремонно ответила я, слегка утомившись от цирка на заданную тему. – Детонирую без промедления. И без правил. Особенно на чрезмерное хамство и бестактность. Даже под слоем этики.

Повисла емкая пауза. Я деликатно кивнула и поспешила оставить заунывную компанию.

– Ты специально одобрил мой светлый образ, заранее зная, что мероприятие проходит формате “Black tie”², – спросила я, повернувшись, когда он поймал меня под локоть на выходе.

– Ты была слишком очаровательна. Я не смог устоять, – ответил он с максимальной небрежностью и потянул к себе.

– Иными словами, тебе нужна была “Белая ворона”, чтобы выделиться?

– Скорее лебедь, – улыбнулся он и аккуратно поправил прядь волос, упавшую на лоб. – Хотя что-то светлое в этом смердящем мраке.

– Поистине, пижонство не имеет возрастного признака, – усмехнулась я, накидывая пиджак на плечи, и махнула швейцару знаком подать машину.

– Ты уже уходишь, – не унимался он.

– А есть смысл оставаться? – усмехнулась я.

– Нашла же смысл прийти, – улыбнулся он ответным оскалом.

– Посмотреть, как ты ловко играешься людскими судьбами, разве что, – я пожала плечами. – Увлечательное шоу, жаль, не ново.

Он посмотрел на меня с ноткой презрения и фыркнул:

– Вот, только не начинай. Хотя бы ты не начинай. Устал я от этой нищесбордской компетентности.

– Так отдохни, – я парировала натиск. – В своей внутренней пустоте. Она же в тебе необъятная. – Я чуть приблизилась к нему, уперла палец в область его солнечного сплетения и заглянула в глаза. – Там ведь пустота, не так ли?

Он молчал, продолжая сверлить меня оскалом.

– Пустота, – ответила я подобным оскалом, слегка кивнув. – Внутри таких, как ты – пустота. Серость. А в серости же нет места краскам. Так, – оттенки, не более. И с темнотой тебя не смешать, и светом не разбавить.

Я затихла, набирая новую порцию воздуха в легкие. Он по-прежнему молчал. Он выжидал, когда жертва выдохнется, ослабеет, чтоб потом без усилий скрутить ее в своей власти. Известная методика. Действенная. Я понимала, что он делает. Мне не составило труда подыграть ему.

– Такие как ты не меняются. Таких нужно менять, – заговорила я снова. – И лучше до того, как попадаешь под влияние их шарма, харизмы и обаяния.

² “Black tie” (Блэк тай, буквальный перевод «черный галстук») – один из самых строгих видов дресс-кода, основа которого – черная классика.

– Ты боишься меня, что ли? – заговорил он, накрывая мою руку ладонью и распрямляя упертый в него палец.

– Нет, не боюсь, – я мягко покачала головой. – Чего тебя бояться? Даже самый сильный, суровый и влиятельный человек с кем-то должен быть мягким и заботливым. Будь со мной, если осмелишься.

Я вынула свои руку из-под его ладони, обхватила его скулу и провела большим пальцем по губам, чуть надавив, обнажая тем самым ряд его безупречных белых зубов. Он поддался посылу и раскрылся своей улыбкой хищника. Я клацнула челюстью в ответ и улыбнулась левым краешком рта.

Приятно, когда есть взаимопонимание.

С полувзгляда. С полуслова. С полу ухмылки.

Еще приятнее, когда есть понимание, что за всем этим стоит...

История не знает примеров, где два равнозначных противника сосуществуют на равных. Один всегда стремится подчинить другого. Мне выдался сильный противник. С ним можно и нужно договариваться. Стол переговоров давно стал неременным и обязательным атрибутом взаимоотношений. Любых. Дружеских, любовных, партнерских. Поэтому будучи партнерами равнозначной силы мы будем вести переговоры. Будем договариваться. Но никогда не договоримся. Потому что там, где одна из сторон заиклена исключительно на своей персоне, здравого диалога не построить. А нежелание понимать цели партнера всегда ведет к неправильному планированию действий, которые надо предпринять, чтобы преодолеть сложности.

“Да, какие могут быть сложности!”, – уже слышу я ваш надменный смешок.

– Большие, – отвечаю я. – Огромные, Константин Викторович.

Ведь я уже нужна тебе. Очень нужна. Тебе нужно мое присутствие, нужна моя улыбка, прикосновения, моя нежность. Разумеется, когда ты считаешь это нужным. Разумеется, при первой твоей прихоти, – сиюминутно и незамедлительно. У тебя есть к тому все полномочия, как тебе кажется. Достаточно ресурсов и власти. Недостаёт лишь одного, – внимательности. Той самой, которая позволяет увидеть цели партнера. И отсутствие которой влечет за собой неправильное планирование действий. А вместе с ними и сложности...

А они будут.

Их будет достаточно.

Ведь со мной, как с Россией, – разговаривать с позиции силы бессмысленно. Я не стану спорить и вступать в прямой конфликт. Бессмысленная трата сил, знаете ли. Просто в один момент перекрою поставки своей энергии, веры и нежности в твой адрес. И ты начнешь сходиться с ума. И это послужит только первоначальным ответом на все твои выходки и вопиющее поведение. Дальше – больше. Дальше – интереснее...

Ведь неисчерпаемая моя противостоящая сила заключается в том, что мне от тебя ничего не нужно. Ни тогда, ни сейчас, ни с любого момента. Сколь бы яростно ты ни старался демонстрировать свои возможности. Их было немало. Они впечатляли. Но ничего из этого мне не было интересно в должной степени.

Ничего.

Кроме тебя самого.

- Возьмись за штурвал, – проговорил пилот, когда самолет набрал высоту.
 - Это может стать небезопасным, – ответила я, усаживаясь в кресле второго пилота.
 - Или судьбоносным, – ответил он с лукавством и добавил: – Пристегнитесь.
- Я послушно защелкнула ремень и обхватила рукоятки штурвала.

Длился второй час, как в срочном порядке мы вылетели на очередную особо важную встречу товарища Поленова. Детали и подробности аудиенции оставались скрытыми непосредственно до ее начала, что случалось все чаще в последнее время. Сразу после посадки в самолет Константин по обыкновению уткнулся в раскрытый перед собой ноутбук. По важным делам, разумеется. Я сидела в кресле напротив и наблюдала за ним.

“Дела – дела”, – думала я, ловя его ловкие действия по клавиатуре. “Между двумя людьми всегда есть какое-то действие. Между двумя, сидящими напротив, – всегда что-то есть. Между мной и этим человеком сейчас был стол, компьютер и его дела... а также наши мысли, желания и цели. Слишком разные, слишком разрозненные. Как преодолеть такую преграду? Как здесь достичь понимания?”

Никак.

Я посмотрела в окно. Самолет удалялся от земли, разбрасывая тень крыла на золото осеннего ландшафта. Мир так очаровательно прибран с небольшой высоты. Домики, участки, линии дорог. Все уложено по местам. Благополучный разлинованный на квадратики мир. И в каждом читалась тишина и спокойствие, – нетребовательное размеренное счастье. Может, это оно и есть – то самое счастье? Тихонько находиться в подобном квадратике? Просто нужно найти свой такой квадратик. Просто нужно...

“Что за тягостный настрой у тебя с утра?!” – одернула я себя с раздражением. “Возьми себя в руки! У тебя важная встреча через пару часов! Нужно быть собранной, а не впадать в ванильную сентиментальность. Так что, давай-ка, выбрось все это! Выбрось немедленно!”

Я бы и выбросила, что уж там. Выбросила с удовольствием. Но окна загерметизированы, да, и мусорить с высоты полета – форменное свинство. Так, что пришлось встряхнуть головой, делая вид, что поправляю волосы, и отправиться бродить по салону, чтобы хоть немного отвлечься. Я так и блуждала бы по телу самолета, оттягивая момент возвращения в кресло, если б не наткнулась на понимающий взгляд проводницы и не получила приглашение посетить кабину пилота.

Так произошло мое знакомство с приборной панелью самолета Бизнес-Джет HAWKER и его капитаном Садакиным А.Е., произнесшим недвусмысленную фразу.

Знал бы он в тот момент насколько окажется прав, – навряд ли бы так иронизировал. Хотя, возможно, он просто озвучил очевидный факт. Простой и очевидный – для него и знаковый – для меня. Как часто случайно брошенная фраза одного становится ключевым значением в жизни другого. Часто. Достаточно часто. Только мы это не всегда замечаем и не сразу придаем должное внимание. Но со временем эта фраза приживается где-то внутри, – в черноте души, – укрепляется, укореняется и начинает прорастать. Сначала неловко, едва уловимыми позывами. Затем сильнее, будто заявляя о себе. Затем еще сильнее, уже более настой-

чиво. Пока, наконец, не начинает свербить внутри жгучим желанием. Здесь-то и начинается волшебство. Здесь-то и начинается магия. Когда, казалось бы, на совершенно абсурдные невыполнимые задачи ты начинаешь находить варианты реализации. Шаг за шагом, посыл за посылом, усилие за усилием... но невыполнимое складывается в какую-то более-менее внятную картинку, абсурд обрамляется смыслом, а ресурсы начинают подтягиваться с каких-то неведомых сторон. И проходит совсем немного времени или много (все относительно в степени свободы и шкалы мерил), и, вот, ты сидишь уже в своем абсурде. С довольной улыбкой такой сидишь. Плотненько так, уверенно. И, оглядываясь назад, немного офигеваешь, как ты вообще все это смог проделать... не струхнул в сложный момент, хотя таковых было немало. Но ты собрался и все же отважился еще на рывок. Оттого и сидишь теперь довольный. С четким пониманием, что второй раз такого бы не исполнил. Жаль, что в тот момент уже, наверное, и не вспомнишь того, кто однажды бросил тебе не двусмысленную фразу, ставшую судьбоносной на твоём пути. Жаль, потому что было бы совсем не лишним поблагодарить его. Просто сказать спасибо этому человеку. Ведь всем нам – человекам – очень важно быть нужными, очень нужно быть важными и просто знать, что наше рутинное существование имеет здесь какой-то потаенный смысл – значимость в жизнях других людей. А что может быть значимее некогда случайно брошенной фразы, ставшей по итогу решающей в судьбе другого...

Разве что, спасенная жизнь.

Но ни есть ли это одно и то же?

К слову, мне удалось поблагодарить этого пилота. Но гораздо раньше, чем до меня дошел смысл его фразы. И гораздо позднее, чем жизнь дала крутой поворот.

– Зачем вы летаете, капитан? – спросила я, прежде чем покинуть кабину и занять свое место в салоне перед посадкой.

– Для меня это способ чувствовать жизнь, – ответил он, устремляя взгляд куда-то вдаль, выше линии горизонта. – Самолет – не самоцель. Это способ. Способ вырваться из искусственного мира, что выдумали для себя люди. Где мерилom выбрали цифры, а самым важным решением в жизни – выбор, в каком из светских заведений скоротать вечер. Рисковый способ, я понимаю. Но в общественном транспорте в час пик по дороге с престижной работы домой в режиме пять/два я задохнулся бы быстрее.

– Спасибо вам, – сказала я тогда, на секунду задержавшись в дверном проеме, чтоб запечатлеть взглядом его волевой затылок.

– За что? – усмехнулся он, повернувшись в мою сторону.

– За честность, – ответила я и поспешила удалиться, дабы не мешать профессионалу делать свою работу.

“Не может весь мир жить одинаково”, – рассуждала я, отсидживаясь чуть в стороне, и небрежно мониторила диалог в ожидание, когда он перейдет в стадию распределения ролей и позиций. “Ресурсов не хватит”.

У принимающей нас сегодня стороны эти ресурсы были. Было даже больше, чем она демонстрировала. Поэтому она по умолчанию и брала на себя роль установителя стандартов. А вместе с ними и правил, автоматически сдвигая оппонента на роль вопрошающего. Небрежно так, по-братски, – ладонью по спине. Напоминая тем самым, что с уровня похлопывания по плечу до пинка под зад – не такое уж большое расстояние. А в государственных масштабах – вообще, считай, что его нет.

Его в и любых масштабах, по факту-то, нет и не было. Но как еще выразить снисходительность и расположение к тем, кому до этих стандартов при всем желании не добраться...

и при всех потугах – не достичь. Однако империя, живущая в добре и достатке, сердобольна. Она непременно желает того же и остальным. Страстно желает. Жгуче так. Выжигаяще, я бы сказала. А если те – остальные – противятся, она начинает объяснять доходчиво, с напором, – засылая на них ядерные ракеты и смертельные вирусы. Вынуждено, разумеется. Все ради благого дела. Только для того, чтобы те, наконец, образумились и зажили уже и в добре, и достатке. И счастье. И непременно по заданным ею критериям “достойного счастья”. А тот факт, что ресурсы ограничены и сосредоточены локально, и при нагрузке по уровню заданных критериев планета просто высохнет и задохнется, – ее совершенно не колышут. Есть постановление: человек рожден быть счастливым. Отсюда вывод: хочешь быть счастливым – соответствуй; не соответствуешь, – ты не человек. Все.

Константину пришлось соответствовать. И по уровню, и по статусу. Хотя ресурсы его трещали по швам...

\\

– Наше положение весьма непростое. Весьма, – рассуждала я по итогам встречи.

Мы ожидали обратного вылета в здание аэропорта. Бизнес зал был расположен на втором этаже, пустой и не уютный. Разве, что кофе готовили более-менее сносным и кресла глубокие и мягкие – пока это и спасало ситуацию в целом. А она нагнеталась с каждой минутой. Самолет был давно готов к вылету, но погодные условия распорядились задержкой как минимум в два часа. Два часа напряженного высиживания напротив друг друга и молчания, за которым каждый в равной степени понимает важность предстоящего диалога, но тактически выжидает, когда оппонент начнет первым. И знает, что не начнет.

Непростое, скажу я вам положение. Очень непростое.

Дабы чем-то заполнить пространство я достала из сумочки пудреницу и посмотрела в зеркало. Ничего нового я там не увидела: безупречный макияж, идеально уложенные волосы. Я сделала пару привычных жестов и замерла. Я буквально ощутила, как его взгляд задумчиво изучает мои тонкие пальцы, затем будто отталкивается от края пудреницы и скользит по моим чертам. Я притаилась, чтобы не спугнуть эти изучающие блуждания.

“Я не смогу отказаться от нее”, – гласили они. “Не смогу, черт возьми!”

Он потянулся к столу и достал из пачки очередную сигарету.

“Мы проделали мощную работу. Огромную совместную работу. И совершили то, что мне было необходимо. Теперь мне нужно...”, – он потер пальцами сигаретный фильтр, будто подыскивая правильное выражение. “Теперь нужно будет... порвать с ней”.

«Порвать!», – внезапная усмешка вырвалась вдруг наружу и, в ней отчетливо читалось, что он усмехается собственной глупости.

«Что порвать? Будто мы тайные любовники, в самом деле», – он легким движением оторвал от сигареты фильтр и бросил его в пепельницу. “Мы даже не прикасались друг к другу по-человечески. Все – игра одна, демонстрация на публику. Она – в найме у меня, не более. Как охрана или водитель. Или летчик этот бестолковый, который никак не может взлететь. Нижний край облачности испугал его!”

Он рывком отстранился в кресле и заглянул в окно.

“Нормальный край! Что ему не понравилось-то?! Вроде не салага, а сыкло редкостное попало. Где их только берут таких?! Надо будет сказать, чтоб заменили. Чтоб уволили к чертям, если боится или не умеет принимать волевые решения”.

Он снова откинулся в кресле и скользнул по мне взглядом.

“А волевые решения нужно уметь принимать. Поэтому уволить его! И ее! У нее была своя роль. У нее была просто своя роль. Определенный набор функций, которые она выполняла. И надо сказать, справлялась чудесно. Гениально, что уж там! Я не ошибся с выбором!».

Он затянул сигарету, неспешно выпустил струю дыма и мысленно заплодил. Самому себе.

Стоило признаться, что выбор превзошел его ожидания. Как стоило, что теперь ему будет сложно отказаться от нее. Сложно будет ее «уволить». Но он уволит. Уволит, наверняка. Так или иначе он с этим справится. Ему – не впервой.

И вторя протекающим мыслям по всему телу, он на минуту осекся. И сник.

Я же не в состоянии больше скрываться, опустила зеркальце, громко захлопнула пудреницу и взглянула ему в глаза.

– Да, положение у нас непростое, – продолжила я начатую ранее реплику. – Но оно легким никогда и не было, так-то. Главное- правило его оценивать. Понимать истинные цели игроков на шахматной доске, быть осторожными и не терять куража.

– Я не хочу рисковать тобой, – выдохнул он вместо ответа.

Я осеклась: – Без меня ты рискуешь еще больше.

Он прыснул смехом и снова затянулся: – Ты стала провидицей?

– Работа у меня такая, – я пожалала плечами, – видеть дальше своего носа. А время от времени и твоего.

В пространстве снова повисла пауза. Он медленно докуривал, снова плавая по мне глазами. Он понимал, что это его решение – единственно правильное. Как и любое другое, собственное. И затягивать с ним не нужно. Иначе появится соблазн нарушить. А он определенно появится. Ведь именно сейчас он начал вдруг понимать, что ни одна женщина не занимала его так, как эта. Ни с одной ему не было так хорошо. Просто хорошо. Какое-то необъяснимое состояние наполненности, когда она находилась рядом. Ее смех, эти торчащие ключицы, тонкие запястья, жестикуляция, выразительные глаза...

Он дернулся, будто сбрасывая с себя невидимую вуаль, и снова затянулся.

Я сделала небольшой глоток из кофейной чашки и бросила взгляд поверх ее края.

В нем бушевал мыслительный процесс. Улыбка сползла с его лица, брови сдвинулись. В глазах то и дело вспыхивали искры. Я невольно залюбовалась им и плотнее прижала край чашки к губам, чтобы скрыть наплывающую улыбку. Он всегда становился таким вспылчивым, когда его что-то цепляло. Даже, когда пытался тщательно это скрыть. Особенно, когда пытался...

Война – самое страшное, что может произойти с человеком. И я не про политическую ситуацию в мире. Я про внутреннюю. Про войну с самим собой. Там творится поистине кровавая резня, в которой нет места уступкам.

“Ведь, если он уступит, если сейчас отступится, – он будет связан. Она станет не просто демонстрацией, а действительно – его «слабым местом». И это повлечет за собой ломку всего, что он столь скрупулезно восстанавливал и выстраивал. Все это время. Снова с нуля. Хотя бы поэтому нельзя уступать. И этого вполне достаточно, чтоб не отступаться”.

Он выпрямился и зафиксировал взгляд на настенных часах, отмечая, что уже без четверти час, как они торчат здесь в необоснованном ожидании.

– И что же нам, по-твоему, делать? – проговорил он, возвращая внимание ко мне.

Я опустила чашку на стол.

– Открыть глаза и напрячь ум, – ответила я, уже не скрывая улыбки. – Действия противника не так уж и хитроумны.

– Когда гонка накалится, они ни перед чем не остановятся, чтоб скомпрометировать меня, – фыркнул он с присущей ему небрежностью. – И “первый круг” пойдет под раздачу первым. Ты будешь из их числа.

– Ты правда считаешь, что они пощадят меня, если перестанут наблюдать нас вместе? – бросила я в той же манере. – Очнись! Не строй иллюзий! Политика жестокая игра. В ней нет правил. Есть только логика. И она едина: противника надо не просто победить, его нужно ослабить, раздробить, подчинить.

Именно так он и поступил.

Поэтому сразу же после того, как наш самолет приземлился в домашнем аэропорту и прежде, чем сойти с трапа в автомобиль проинформированного уже водителя, я была официально отстранена с позиции. Безвозвратно. И бессрочно.

“Мир так устроен”, – думала я, наблюдая сквозь тонированное окно спецтранспорта, как пилоты покидают территорию аэродрома. “Либо ты контролируешь что-то, либо кто-то другой. Вакуум бывает только в физике. В сфере финансов и политике его нет. Откажешься от борьбы, запоешь сладкие песни о дружбе и взаимопониманию – это закончится твоей катастрофой. И победой конкурента”.

Так оно и случилось, в общем-то.

Но вот закончилось ли?

Едва ли. Едва...

Едва я пересекла порог отеля, меня накрыла дикая усталость. Дичайшая. Просто валящая с ног. Перелет выдался непростой. Продолжительный. Ночной. И в довершение ко всему, как только самолет набрал высоту у меня заныл зуб. И от пульсирующей его боли казалось, что и звезды на небе пульсируют. И луна. Всю ночь я промаялась в попытках унять эти спазмы всеми доступными способами, но тщетно. Даже участие всего состава бортпроводников сделать мой полет максимально комфортным не увенчалось успехом.

«Всего лишь зуб», – думалось мне в обессиленном смирении. «Наименьшая часть моего тела. А боль такая, что даже думать не могу».

В попытке разогнать остатки мыслей, я прислонилась лбом к прохладному овалу иллюминатора и увидела в нем нечеткое свое отражение. Осунувшееся лицо, воспаленные глаза, перекошенные губы...

«Все правильно. Уставший болезненный вид. Что ты там еще хотела увидеть? Зубную фею?» – фыркнула я на свое восприятие и тут же зажмурилась от очередного приступа боли.

Остаточным усилием я погасила индивидуальный свет над креслом и снова прильнула к темному овалу окна, чтоб уже более не шевелиться. Россыпь звезд была тому прямым и единственным свидетелем. Она посмотрела на меня с пониманием. Неподвижная россыпь звезд. Тот факт, что мы летели с огромной скоростью, не имел никакого значения. Во всем значилась неподвижность. И боль.

“Боль отпустит, когда научит”, – бытует мнение. Или, когда покинет тело остаточным следствием активной и продолжительной работы мозга. Нервная система быстро реагирует и быстро успокаивается, – чтобы восстановить работу всего организма требуется гораздо больше времени. А после сильных эмоциональных перегрузок тело всегда идет в разнос. И прорывает перво-наперво там, где было тонко.

А тонко сейчас было везде. Тело ослабло и исхудало изрядно. Оно подавало сигналы и раньше, – мигренями, бессонницей, спазмами в поясничном отделе. Тело сигнализировало: “Обрати на меня внимание!”, но кто его слушает, когда вокруг бушуют страсти... когда вокруг кипят свершения и творится что-то очень важное... непонятное, неопределенное, но непременно важное. Не менее важно потом выделить период на восстановление. И желательно вдали от боевых действий в целом и информационной атаки в частности. А что может быть для женского организма более восстановительным нежели порция тепла, шелеста океана и тягучей раскаленной под солнцем размерности?

Я расположилась на шезлонге в тени соломенной шляпы навеса и раскрыла книгу. Карманный томик в мягком переплете. Подарок Константина по моей просьбе “на память”, до которого дошел, наконец, свой черед.

*«Дорогая, что толку
пререкаться, вникать
в случившееся. Иголку
больше не отыскать
в человеческом сене»,*

– пробежались по сознанию возникшие перед глазами строфы.

*«Впору вскочить, разя
тень; либо – вместе со всеми
передвигать ферзя».*

Я передвинулась на шезлонге выше под тень и подняла подголовник.

*«Все, что мы звали личным,
что копили, греша,
время, считая лишним,
как прибой с гольфа,
стачивает – то лаской,
то посредством резца -
чтобы кончить цикладской
вещью без черт лица.*

V

*Ах, чем меньше поверхность,
тем надежда скромней
на безупречную верность
по отношению к ней.
Может, вообще пропажа
тела из виду есть
со стороны пейзажа
дальнозоркости мест».*

Я посмотрела на линию горизонта. Вдаль. По неровной полоске глади вслед за игрой света по текстуре пейзажа. Выше, шире и дальше. Каждый метр окружающего пространства был старательно заполнен искусственным лоском. Яхты, люди, птицы – все выглядело как заранее созданные декорации. Как наливной натертый дифениламином глянцевый плод. И лишь воздух, – слишком уж влажный воздух, дрожащий в турбулентной конвекции, едва уловимым потоком демонстрировал, что плод этот уже основательно подгнивал.

“Есть ли у ландшафта разум? Есть ли у декораций душа?” – думала я, блуждая глазами в пространстве из-под приподнятых ко лбу очков. “Или корыстью единой, – тычущего вдаль перста... Или товаром на вынос – под силой сжатого кулака... Да, пропажей тела из виду... Неизбежной такой пропажей, закономерной” ...

Я усмехнулась уголком рта и, мне вдруг стало невероятно противно видеть и, тем более, проникать во всю эту гниль и разложение. Я невольно съежилась, вернула очки на переносицу, прищуриваясь от отражения солнечных бликов, и снова опустила глаза на страницы.

*«Вечером, дорогая,
здесь тепло. Тишина
молчанием поцугая
буквально завершена.
Луна в кусты чистотела
льет свое молоко:
неприкосновенность тела,*

зашедшая далеко».

Далеко. Ах, как далеко мы зашли. Заигрались. Но то была разумная игра. Слишком разумная, – продиктованная необходимостью. Он стал настолько в сильных чувствах не уверен, что врал... что беспрерывно врал. Я же все больше предпочитала царапать его реально-стью, а не полировать ею и без того гипертрофированно идеализированную поверхность всего его существования. Ведь любые взаимоотношения, будь то партнерские, дружеские и, уж тем более, семейные, – это далеко не реклама маргарина, где все натужно и наиграно счастливы. Просто всего-то и нужно не побояться однажды и найти в себе силы принять ужасающую правду: окружающий мир далеко не такой, каким ты себе его представляешь. И счастье в нем – тоже...

*«Дорогая, несчастных
нет! нет мертвых, живых.
Все – только пир согласных
на их ножках кривых.
Видно, сильно превысил
свою роль свинопас,
чей нетронутый бисер
перезживет всех нас.*

XII

*Право, чем гуще россыпь
черного на листе,
тем безразличней особь
к прошлому, к пустоте
в будущем. Их соседство,
мало проча добра,
лишь ускоряет бегство
по бумаге пера.*

XXIII

*Все кончается скукой,
а не горечью. Но
это новой наукой
плохо освещено.
Знавший истину стоик -
стоик только на треть.
Пыль садится на столик,
и ее не стереть.*

VIII

*Чем безнадежней, тем как-то
проще. Уже не ждешь
занавеса, антракта,
как пылкая молодежь.
Свет на сцене, в кулисах
меркнет. Выходишь прочь*

в рукоплесканье листьев, в ...»³

– ... в доминиканскую ночь, – дополнила я вслух, запрокидывая голову на подушку шезлонга, и прикрыла томик.

– Шампанского? – услышала я у своего изголовья справа и перевела взгляд на источник.

Передо мной возвышалась широкая особь мужского пола киберспортивного телосложения и многозначительно отбрасывала тень. Из одежды на ней числилась узкая набедренная повязка и квадратные солнцезащитные очки.

– Благодарю, – деликатно ответила я и прикрыла глаза ладонью. – Не употребляю.

– Не любишь игристое? – не унималась тень.

– Напротив, – улыбнулась я, не открывая глаза. – К игристым винам весьма благосклонна.

А вот дешевого шампанского стараюсь избегать, – уж больно сильно пенится и пузырится.

Тень на минуту сошла, но тут же материализовалась сбоку на соседнем шезлонге.

– Тогда, может, по мороженому? – проявилась она голосом. – Или тоже не употребляешь? Для фигуры не полезно? Фигурка-то у тебя – что надо.

– В моем восприятие еда не делится на вредную или полезную, – ответила я, не меняя позиции. – Она либо вкусная, либо невкусная. Как и люди, собственно. Общение с ними, их послевкусие.

– Так и что же? – продолжала упорствовать фигура.

– Мне не вкусно, – я добавила в голос нотки доходчивости. – Очень.

– Ну, знаешь, – прыснул он нервным смешком, – не всегда все бывает сразу и сладко. Чтоб уверенно держаться в шоколаде, нужно для начала и на дерьме потренироваться.

Настал мой черед заулыбаться, и оценить сей откровенный посыл по достоинству. Я приоткрыла один глаз и направила его на первоисточник истины: – У тебя по этой дисциплине КМС, как понимаю? Не менее. И настолько обширный опыт, что не терпится перейти к педагогике?

Фигура заметно насупилась и что-то невнятно забормотала.

– Не утруждайся, – продолжила я, спасая унылое положение. – Я по определению не тону. Ни в какой консистенции. Природа такая, – ничего не поделаешь. Так что, ты – не по адресу.

Фигура еще являла какие-то звуки, – я не вникала, но вскоре поднялась, чтоб, наконец, освободить собою пространство.

– Но спасибо, что поделился, – бросила я вдогонку. – Бесценный опыт. Многое объясняет.

Тень на мгновение остановилась явно в недвусмысленном ожидание.

– И попроси официанта принести мороженое, – продолжила я, приподняв руку. – Шоколадное. С шоколадной крошкой. Двойную порцию. Самое вкусное, что у них есть. Пожалуйста. Нужно как следует заесть послевкусие...

Тень испарилась, не издав ни звука. И как все же приятно, что не по причине полудня.

«Деньги не исправляют ущербности природы, а лишь усугубляют их. Сколько и на чем до этого ни тренируйся», – отметила я и снова раскрыла книгу.

³ Иосиф Бродский, «Строфы»

Книги, кстати, хорошая альтернатива алкоголю. И любому десерту, собственно. При условии, что книга действительно хороша. Тогда все окружающее становится гарниром, где основное блюдо – мысли твоего незримого собеседника, оформленные шрифтом по офсетным страницам. С такими мыслями не хочется расставаться. А после диалога остается тонкое послевкусие, оттеняющее пространство вокруг каким-то особым свечением.

В этот раз мы расстались, лишь когда лучи палящего света изменили пространственное положение относительно земли и с жаром прошли по моим стопам. Я закрыла страницы и потянулась, приводя в движение затекшие мышцы. В креманке на столике у шезлонга плавала бурая жижа. Я даже не заметила, как официант все же принес мне мороженое и поставил его у изголовья. Там же в ведерке со льдом потела бутылка воды и Lanson "Le Rose" Brut, 200 мл.

«И, все-таки, шампанское», – усмехнулась я и протянула руку за водой.

Все-таки...

Мир наш имеет финансовое устройство. Плохо ли, хорошо – это факт.

Как факт и то, что во время кризиса хорошо себя чувствуют только те, кто его организует. И пара-другая случайных счастливицов, мнящих себя впоследствии прародителями «успешного успеха». И кого столь же легко и непринужденно потом выкупаются вместе с проектами за гроши, – гораздо дешевле, чем то же имущество, что числится у них на балансе. Иными словами, «Знал бы прикуп – жил бы в Сочи», – цитируя советский фольклор. Тот, кто прикуп знает, – там и живет. Кто прикуп назначает, – обитает совсем в иных местах. В более знойных. И более лояльных к транзакциям. В таких, как это, к примеру...

– Ты успешна? – раздался вопрос сквозь буйство красок заката в ненавязчивой окантовке звуков живой музыки. Вечер выдался влажный, тягучий и скользкий, почти такой же как тип, возникший передо мной.

– Вполне, – ответила я, смерив возмутителя цепким взглядом.

– Тогда позволь взять автограф, – сделал он жеманный реверанс. – И подписаться на твой блог с готовыми кейсами, как зарабатывать миллионы, медитируя.

– А с каких это пор признаком женской успешности стали известность и деньги? – приправила я ответный вопрос улыбкой лицемерия. – Это скорее признак того, что для нее этого некому сделать. Последствия вынужденных мер. Или стремления что-то доказать. Места женственности здесь нет совсем. Как и успеха, собственно.

– И где же он есть тогда? – хмыкнул он присаживаясь напротив.

– У всех – в разных местах, – ответила я. – Кто над чем и чем работает в большей степени.

– Где в твоем случае? – заиграл он нотками неподдельного интереса.

– В моем случае, критерий женской успешности – это реализация себя, своих желаний. Она не измеряется материальным уровнем. Деньги, слава, признание – это результаты мужской успешности. Они могут быть присущи и женщине, но как следствие, как сопутствующие блага, а никак не цель и первопричина.

– Что в таком случае первопричина? – не унимался он.

– Ценность, – ответила я. – Личная женская ценность. Она либо есть, либо ее нет. Но она не доказывается. И тем более не обменивается на деньги.

– И как же она проявляется? Если есть?

– В умение слушать себя. И слышать. И в смелости двигаться к себе, к своему желанию. Тогда материальные блага догоняют. Там же встречаются и близкие по духу люди. Там же, – и свой мужчина. Тот самый – настоящий. Которого не требуется переделывать. Которого хочется просто любить и давать свободу. И с которым можно быть самой свободной и любимой.

– То есть, ты свободна? – уточнил он, приподняв бровь.

Я кивнула.

– И любима?

– Точно, – я кивнула еще раз.

– И сколько стоит твоя любовь? – не унимался он.

– Ты, вероятно, обладаешь обостренным зрением, раз так плохо слышишь, – я протяжно выдохнула и улыбнулась. – Тогда читай по губам: Я не продаюсь. И не потому, что у тебя нет такой суммы, а потому что все, что ты можешь предложить мне за деньги, мне не интересно. Все просто. Все очень просто.

Я приподняла бокал, давая тем самым понять, что диалог закончен, и сделала небольшой глоток. Вино слишком благородный напиток, чтобы растворять его в подобных разговорах. Предпочту растворить его на рецепторах своего языка и остаточных красках заката.

“Я всегда ценила материальные блага, но никогда не ставила деньги во главе”, – думала я, рассматривая, как длинные волны света пробираются сквозь толщину атмосферы Земли и острыми перьями разрывают густой натиск наползающей ночи.

Я никогда не стремилась к деньгам, если уж откровенно. И никогда не умела их зарабатывать. Все больше позволяла им догонять меня по дороге к тому, что меня искренне влечет, к тому, что нравится. Для комфортного бытового существования мне не так уж много и надо. Пара уютных бесформенных чехлов из хлопка, пара коктейльных платьев, пара кед и лодочек на шпильке, пару шоколадок, хороший кофе... пара сортов и белое сухое в холодильнике. Игристое. И не очень. Тоже пара. Пусть будет, – под настроение.

Я изучила законы бизнеса. Я даже им занималась. Серьезно и играючи. Но не для того, чтобы в дальнейшем безупречно владеть всеми подходами и следовать им, – вырывать место под солнцем, добиваться, доказывать, побеждать... а для того, чтобы распознавать настоящих мужчин от неудачников. По их же критериям мерки. Бизнес – это мужской мир и, нужно знать его правила, чтоб в нем ориентироваться.

Для того, чтобы уметь отличать настоящих мужчин от клоунов, и окружать себя первыми. Только в таком случае можно оставаться настоящей женщиной, настоящей леди. Как ни крути, по-настоящему женщиной возможно быть только рядом с подобным мужчиной. Это же правило действует и в обратном направлении.

Я медленно прокрутила бокал за ножку, с задумчивостью наматывая на его чашу абстракцию пространства.

Поэтому я никогда и не продавалась. Ни телом, ни интеллектом, ни временем. Не ломала и не использовала себя как инструмент с целью достичь материального результата. Имела способность наблюдать, что подобные “поддавки” потом чреваты последствиями и, как правило, оставляют в полном банкротстве. И хорошо знала, что за интересную вкусную идею я отработаю куда лучше, чем за высокооплачиваемую банальность. Был бы в ней смысл. В этой идее. Он всегда был мне крайне необходим, всегда служил мне неким ориентиром. Смысл...

Позднее я поняла, что его нет. Нет никакого смысла. Есть только ты и твои действия. Ты – это твои действия. И даже, если выбор – бездействие, оно на деле тоже оказывается действием. Так как тоже является выбором. В этом тоже – ты. И нет иного тебя. Как и смысла... во всех твоих действиях.

Бокал, наконец, замер в моей руке. Я зажмурила один глаз и приподняла его перед собой, будто оценивая качество намотки... и результат абсолютной бессмыслицы.

Я улыбнулась.

Жизнь нелогична. Правда. И бессмысленна. Можно сколь угодно сопротивляться, придумывать себе правила, запреты, загоняться в движухе или, напротив, запира́ть себя в бездействие и зарываться на дне, но жизнь всегда возьмет свое. Пока ты жив – жизнь сильнее тебя. И только утратив всякую логику, жизнь обретает смысл.

Я сделала небольшой глоток из бокала и чуть запрокинула голову, прикрывая глаза.

И к этому я пришла позднее. Гораздо позднее...

До того момента я, как и многие, форменно сходила с ума, когда теряла его, теряла смысл. И судорожно бросалась на его поиски. Из крайности в крайность. От дела к делу. От ориентира к ориентиру. Я искала... я искала что-то. Ведь должно же быть в жизни это что-то... Что-то. Что-то большее... чем сама жизнь.

Жизнь встретила скользкой прохладой раннего утра, занырнула под волосы на затылке и поползла вверх по свободно закатанным рукавам. Я бесконтрольно вздрогнула, спускаясь по трапу самолета, и сильнее закуталась в тонкий жакет. Едва уловимое облачко, сконденсированное моим дыханием, ненавязчиво повисло в воздухе и медленно растворилось, тонко намекая тем самым о неизбежности приближения холодов. Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как холодный воздух будоражит легкие. Холод... пожалуй, самый назойливый компаньон из всех, кого я знаю. И сильный повод, чтобы выжить.

Я выжила. В очередной раз. И очевидно, – из ума.

“Бодрого утра!” – отправила я сообщение, прохаживаясь под окнами его дома. “Если не спишь уже, – спускайся. Подышим свежестью нового дня. И ароматами выпечки. Твоя излюбленная кофейня еще закрыта, но пекарня уже кочегарит всю”.

Ответа не последовало. Как и признаков движения в окне. Но я знала, что он не спал. Он давно уже не спал.

Я неспешно прошлась вокруг пруда и присела на скамейку. Некогда Козье болото – место стрижки коз для царского двора, и по совместительству эпицентр криминала середины семнадцатого века. Нынче один из самых богемных районов города со всей присущей тому атрибутикой:

Мужчин в усах с капустой
от не докушанных мясистых щей,
И дам, в ком ботокса неимоверно густо,
что смотрят устрицей из раковин вещей⁴

Где персонаж известного романа трагически встречается с трамваем. Тем самым, что «поворачивал по ново проложенной линии с Ермолаевского на Бронную». А «в час небывалого жаркого заката» на «аллее, параллельной Малой Бронной улице» встречаются герои...

К слову, трамваи по этим улицам никогда не ходили. С Ермолаевского на Малую Бронную действительно когда-то поворачивал трамвай, но это был резервный путь, который практически не пользовался. А вот герои действительно встречались. И встречаются по сей день...

– Что ты здесь делаешь? – знакомые нотки сарказма сотрясли плотность воздуха.

– Забочусь о твоём идеальном утре, – ответила я, не оборачиваясь. – Оно должно начинаться с чашки крепкого кофе, свежей выпечки и немного испорченной женщины.

– Ни того, ни другого, ни третьего, – ответил он и опустил рядом.

Я окинула его вопросительным взглядом:

– В отсутствие первых двух ещё могу поверить, но, чтобы и третье...

Он демонстративно поджал губы и отрицательно покачал головой.

⁴ «Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста где-то не докушанных, недоеденных щей; вот вы, женщина, на вас белила густо, вы смотрите устрицей из раковин вещей.» [В. Маяковский “Нате!”, 1913 г.]

– Что? Не немного? – уточнила я, кивнув в сторону окон его квартиры.
– Неа, – сgrimасничал он. – Наглухо. Пробы ставить негде.
– Константин Викторович?! – риторически призвала я. – Что ж вы никак не привьете себе избирательность в данном вопросе!

Он лишь отмахнулся и раскинул руки по спинке скамьи:

– Каждый имеет право на ошибку.
– У тебя по этой части, похоже, безлимит, – усмехнулась я и прилегла головой в область его раскрытого плеча.
– Что правда, то правда! – самодовольно подтвердил он и будто ненароком коснулся носом моих волос.

“Правда”, – улыбнулась я мысленно, поднимая глаза в прозрачное небо.

А правда была в том, что при всех своих возможностях, ты способен купить себе самые пухлые губы глубоко и проникновенно сосущие, терзать любые тела, молодые и сочные, с легкостью выжимать из них весь жизненный сок, а затем с той же легкостью выбрасывать их за ненадобностью. Или просто от скуки. Но ничто из этого не способно забрать тебя в тот космос, в который ты отправляешься, когда мы просто находимся рядом. Как было правдой, что ты не спал, когда пришло сообщение. Ты “доедал” остатки измочаленного тела, а затем долго изучал в зеркале ванны проваленными глазами свой уставший изможденный вид, не решаясь спуститься. Ведь все это время ты невероятно тосковал по этому “космосу” и одновременно боялся его. Боялся вдруг потерять, боялся разрушить. И это не лишено логики, – сломать ты можешь кого угодно и что угодно. Сломать любой сильный дурак может, а вот починить... починить, – только мастер.

“Ты мастерски выпроводил гостью и все же спустился. И не потому, что нашел в себе достаточно смелости. Нет. Просто сигареты закончились. А ты, когда нервничаешь, всегда много куришь”.

Вот и вся правда.

Я прикрыла глаза и чуть повернула голову, прижимаясь щекой к его руке.

– Ты спишь? – неловко спросил он.
– Почти, – промурлыкала я в ответ. – Я в космосе. Догоняй.
– Я в этом ни черта не смыслю, – буркнул он.
– И не надо смыслить. Здесь мыслей вообще не надо, – снова заулыбалась я.
– Ты почувствуй. Закрой глаза и почувствуй. “И Моцарт в шуме ветра, и Дебюсси в шуршание крон...”
– Бред, – небрежно буркнул он. – Пустая трата времени.
– В жизни нет пустой траты. В ней нет пустоты. Жизнь либо есть, либо нет. И если она есть, то пустоты в ней нет по определению, – я снова повернула голову и открыла глаза. – Пустота есть в нас самих. Она-то и вызывает это ощущение «впустую потраченного времени», когда вдруг выдается пауза среди череды «жизненно важных дел». Гулким эхом. Импульсом в висках. Сухостью на языке. Вакуумом пространства. Паническими атаками...
– У меня нет панических атак, – резко прервал он. – Я атакую первым.
– И заполняешь пустоту людьми, которых пользуешься, – продолжила я в том же тоне и чуть удобнее переложила голову.
– Могу себе это позволить! – с натиском выдал он и, я буквально физически ощутила его нарастающую внутреннюю нервозность.

“Крошится”, – думала я, прищуриваясь от бликующего на воде солнца. “Крошится – да, но не разрушается. Такого не разрушить”.

– Я, вот, одного не могу понять, – начала я размышления вслух. – У тебя же есть дочь. Сколько ей? Почти двадцать? Или около того. Совсем взрослая уже. И красивая. Ты не боишься, что с ней обойдутся так же?

– А, ведь, скорее всего так и обойдутся, – продолжала я, не дожидаясь ответа. – Влюбится дочь до беспамятства в какого-то нищеврода, уедет за своим счастьем с ним в какую-нибудь дыру... Он будет прикладываться к бутылке, к ее милому личику время от времени, – в порывах неважного настроения. И подсадит на наркоту...

Я прервалась, сглатывая расщепленную порцию яда. На кончике языка уже ждали своей очереди еще пара ярких и прозаичных картинок, но я все же остановилась... и судя по его реакции, – вовремя. Он резким движением выпрямился, буквально скидывая меня со своей руки.

– Боюсь! – зарычал он мне в лицо, когда я повернулась. – Боюсь до черта! Все эти выселки на обучение то в Англию, то в Швейцарию... как ты думаешь? Попытка оградить ее от этого. Сколько я всего этого насмотрелся! Всего этого... – он запнулся, будто искал подходящие слова. – Столько этого блядства! Сколько им пользовался сам! Сколько всего сам творил! Тебе не передать! Да, ты и не представишь даже! – он содрогался всем телом, едва сдерживаясь, чтобы не сотворить нечто непоправимое и в мой адрес. Но сдерживался. Но все же сдерживался...

Я сидела неподвижно. И понимала, что сама того не ожидая, скovyрнула сейчас нечто особенно болезненное. Попала, как говорится, в самое яблочко.

– Я оградить ее хотел, – рычал он с новым усилием. – От всего этого. От участи ее матери. От себе подобных. Думал, там другие люди, другой уровень – все иначе. Думал... – с рывком отчаяния он пнул ногой лежавший на земле сучок и безвольно опустился на спинку лавочки.

– Чего боишься, то тебя и накрывает, – сделала я попытку погасить пожар.

– Уже накрыло. Сполна, – ответил он безвольно и уставился в пространство перед собой.

Я осторожно под села ближе и положила ладонь ему на плечо. Он рефлекторно дернулся, но отстранять мою руку не стал. Лишь еще больше обмяк и ссутулился.

– Что ты носишь там в себе? Поведай, – обратилась я.

– Тебе это зачем? – цинично бросил он.

– Мне не безразлично, что с тобой происходит. Что там за камера пыток, в которую ты сам себя заточил? – я указала в область его солнечного сплетения. – Рано или поздно тебе потребуется вытащить ее содержимое наружу. Ты не сможешь всю жизнь носить это в себе. Тебе придется поделиться, высказаться. Так кому, если не мне?

Он продолжал сидеть неподвижно и таращиться перед собой. Я смотрела на него безотрывно, мне становилось не по себе...

Есть такой особый вид боли. Она проникает и становится частью, почти родной. Она прорастает в нейронные сети мозга, сворачивается клубками спазмов на теле и оседает хрони-

ческим неврозом. От нее невозможно избавиться. Ее можно лишь заглушить на время. Или же вырвать, ампутировать, прижечь... пока она не отравила весь организм. Но на это нужно найти смелость. И мужество. Много смелости. И много мужества...

– Исповедь, говорят, приносит искупление, – неловко заговорил он. – Мне же содеянного не искупить.

– Что произошло? – уже с напором я повторила вопрос.

– Она покончила с собой, – сказал он.

И я буквально физически почувствовала, как в нем что-то оборвалось. Я не знала, чем ему помочь. Не знала, нужна ли ему была эта помощь. Я лишь смотрела на него с сочувствием. Смотрела так, будто клала ласковую руку на его плечо. Плечо палача, которому внезапно выдалась минута передышки в своем отточенном ремесле.

С минуту он продолжает сидеть неподвижно, затем резко вспыхивает под моим взглядом и поднимает глаза. Во всем его существе читается подавленное бешенство. Он смотрит на меня с приступом ярости и явно жалеет... жалеет, что не прикончил меня ранее. И сразу.

Я понимающе киваю головой, принимая его взгляд.

Война... Война. Он не может без сражения. Не может без войны. Поэтому он везде и во всем ее ищет. Везде и во всем ее находит. И повсеместно выбирает ее. Сама суть его – это война, в которой он отчаянно сражается за себя. Ведь всякий раз, уничтожая очередного врага, он уничтожает в нем свой собственный страх, состояние собственной паники и неизвестности.

“Говорят, самоубийство – это удел сумасшедших... но какое это теперь имеет значение», – думала я, снова поднимая глаза выше линии горизонта. «Если человек – это узел нейронов, плетеный своим собственным восприятием и отношениями, то что же там могло происходить – внутри этой маленькой вселенной, что она отважилась на подобное? Что там могло так запутаться? Что там могло оборваться? И как это измерить? Как измерить человека? И чем?”

Я блуждала глазами по бескрайней синеве будто в поиске ответа. Небо было голубое. Чистое и прозрачное. Ни облачка. Лишь едва уловимый холодный глянец игрался в оттенках отблеском заточенного ножа.

“Говорят, все душевнобольные отчаянно мечтают о покое. Говорят... Что ж, пусть сегодняшнее утро принесет этой девочке с большими отцовскими глазами абсолютное упокоение. И безмятежность. А тем, кто все еще находится здесь – придаст силы оставаться. И двигаться дальше”.

– И куда ты теперь? – спросил он, когда я поднялась со скамейки с готовностью уйти.

– В небо, – я мягко улыбнулась в ответ и взглядом указала наверх. – Пойду учиться на пилота. Уже присмотрела подходящий АУЦ...

Он прыснул идиотским смехом, не дослушивая, и покачал головой:

– Детский сад! У тебя ничего не получится.

– Возможно, ты и прав, – пожала плечами я. – А возможно, и нет. Я все же попробую.

– Вы когда-нибудь причиняли себе вред? – поинтересовался доктор-психолог, перелистывая папку с моими заключениями явно успевшую потолстеть за дни обследований.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.